

ИСТОРИЯ НОВОГО ВРЕМЕНИ СТРАН ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ

М. И. Хуснутдинов

Хуснутдинов Марсель Ильфирович, магистрант, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: marsxv@mail.ru

ФРАНКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА ВСТУПЛЕНИЯ ШВЕЦИИ В СЕМИЛЕТНЮЮ ВОЙНУ

Целью данной статьи является анализ франко-русских отношений в период Дипломатической революции 1756 года и Семилетней войны (1756–1763 гг.) в контексте вступления Швеции в войну в 1757 г. В статье исследуется участие малой державы на примере Швеции через призму отношений великих держав – Франции и России. В рамках этих задач автор пытается рассмотреть роль Секрета короля, который запустил процесс франко-русского потепления. Также анализируется роль концепции Восточного барьера в рамках деятельности Секрета короля. Автор описывает и пытается рассмотреть и сравнить подходы к франко-русским связям различных направлений французской дипломатии – официального министерства, Секрета короля, аббата Берни. Через их призму рассматривается роль Швеции во франко-русских отношениях, которая оставалась еще одним камнем преткновения между двумя странами. Версаль воспринимал эту державу как свою опору в регионе, стараясь поддержать притязания своего союзника. Петербургский двор, в свою очередь, считал шведов потенциальной угрозой на Балтике. Тем самым статья раскрывает разворачивающийся конфликт не только с точки зрения крупных игроков, но и менее значимых, таких как Швеция. Автор приходит к выводам, что франко-русские связи были восстановлены в ходе Дипломатической революции и Семилетней войны, однако обе державы по-прежнему разделяли противоречия и нельзя говорить о складывании союза. Главным фактором, связывающим обе державы, была антипрусская позиция, однако шведский и английский фактор сдерживали дальнейшее франко-русское потепление. В то же время, события Дипломатической революции и Семилетней войны стали предпосылками дальнейшего потепления в годы правления Екатерины II и Людовика XVI.

Ключевые слова: история Франции, история России, История международных отношений, Семилетняя война, Восточный барьер.

М. Khusnutdinov

Khusnutdinov Marcel Ilfirovich, Master student, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

E-mail: marsxv@mail.ru

FRANCO-RUSSIAN RELATIONS AND THE PROBLEM OF SWEDEN'S ENTRY INTO THE SEVEN YEARS' WAR

The purpose of this article is to analyze Franco-Russian relations during the Diplomatic Revolution of 1756 and the Seven Years' War (1756–1763) in the context of Sweden's entry into the war in 1757. The article examines the participation of a small power on the example of Sweden through the prism of great power relations - France and Russia. Within the framework of these tasks, the author tries to consider the role of the Secret of the King, which launched the process of Franco-Russian warming. The role of the concept of the Eastern Barrier in the framework of the activities of the Secret of the King is also analyzed. The author describes and tries to consider and compare the approaches to Franco-Russian relations of various areas of French diplomacy - the official ministry, the King's Secret, Abbé Burney. Through their prism, the role of Sweden in Franco-Russian relations, which remained another stumbling block between the two countries, is considered. Versailles perceived this power as its support in the region, trying to support the claims of its ally. The Petersburg court, in turn, considered the Swedes a potential threat in the Baltic. Thus, the article reveals the unfolding conflict not only from the point of view of major players, but also less significant ones, such as Sweden. The author concludes that Franco-Russian ties were restored during the Diplomatic Revolution and the Seven Years' War, but both powers still shared contradictions and it is impossible to talk about the formation of an alliance. The main factor linking the two powers was the anti-Prussian position, but the Swedish and English factor held back further Franco-Russian warming. At the same time, the events of the Diplomatic Revolution and the Seven Years' War became the prerequisites for further warming during the reigns of Catherine II and Louis XVI.

Key words: history of France, history of Russia, History of international relations, Seven Years' War, Eastern Barrier.

Семилетняя война один из крупнейших конфликтов XVIII века, значимость конфликта подметил британский премьер-министр Уинстон Черчилль. Необходимо, однако, обратиться к предпосылкам, которые складывались перед Семилетней войной на протяжении XVIII века. В рамках французской внешней политике был так называемый Восточный барьер. Швеция была страной, которая была частью этой французской дипломатической практику. О роли Швеции в качестве важного элемента французской дипломатии можно почитать у Огюста Жоффруа, который в предисловии к «Сборнику инструкций...» указывает на то значение, которое короли Франции, в первую очередь Людовик XIV, придавали послам, отправлявшимся в Стокгольм¹. Усиление Швеции произошло в XVII в.,

¹Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 2. Suède, introduction par Auguste Geffroy. Paris. Felix Alcan, Éditeur. 1885. P. 15.

результаты чего мы видим во время правления Карла IX, Густава-Адольфа II и королевы Кристины. Тогда Швеция стала одним из гарантов Вестфальского мира и важным партнером Франции в регионе. В то же время Россия смогла укрепиться в Балтийском регионе в ходе Северной войны (1700–1721) и закрепить свое влияние в ходе русско-шведской войны (1741–1743). Таким образом, Россия подорвала влияние французского союзника в Балтике, тем самым, ударив по влиянию самого Версаля в регионе.

В силу объективных условий Франция и Россия в XVIII веке были противниками. Версаль воспринимали молодую империю, как нарушителя сложившегося баланса сил, главным бенефициаром которого был Версаль. Еще одним фактором, который ухудшал русско-французские отношения, был союз России с Австрией. Габсбургская монархия на протяжении многих лет была главным соперником Бурбонов на континенте. Еще в 1697 г. молодой царь посетил императора Священной Римской империи Леопольда I. Цель визита — союз против осман, также традиционного партнера французской монархии. Переговоры между императором Иосифом I и Петром I после победы русской армии при Полтаве раздражало французскую сторону². Это обстоятельство представляло дополнительные неурядицы для французской коалиции, обескровленной в ходе Войны за испанское наследство.

Таким образом, в ходе Великой Северной войны и Войны за испанское наследство сформировались группы интересов, которые в целом сохранялись в XVIII в., сталкиваясь в таких конфликтах как Война за польское наследство (1733–1735) и Война за австрийское наследство (1740–1748). Но уже в ходе Семилетней войны расстановка сил изменилась и старым соперникам пришлось находить новые пути для взаимодействия. Спусковым крючком произошедшей Дипломатической революции стал Вестминстерский договор, заключенный между Пруссией и Великобританией 16 января 1756 г., который означал, что франко-пруссский союз был разорван. Почти через полгода 1 мая 1756 г. был подписан Версальский договор, закончивший долгий период конфликтов между Бурбонами и Габсбургами. Однако следует сказать, что политика Людовика XV отличалась консерватизмом: он считал старую систему основой баланса сил в Европе³. Этот консерватизм проявил себя и в традиционной опоре на Швецию, как страну Восточного барьера.

Традиционализм во внешней политике Людовик XV проявлял и по отношению к России, однако с учетом сложившейся политической ситуации,

² *Нелипович С. Г.* Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 6.

³ *Короткова А. В.* Французская дипломатия накануне и в начальный период Семилетней войны (1755–1758 гг.). М., 2003. С. 27.

король был не лишен интереса наладить с Петербургом дипломатический контакт. Этот интерес был связан не только с *Renversement des Alliance* (фр. Переворачивание альянсов, то есть Дипломатическая революция), но и с польским вопросом. Принц де Конти, являясь главой Секрета короля, одновременно выдвигал претензии на корону Речи Посполитой. Россия же еще во времена Войны за польское наследство укрепила там свое влияние. Становилось очевидным, что без переговоров с Петербургом возвести на трон своего ставленника французский король не сможет. Стремление Людовика XV и принца Конти к реализации системы Восточного барьера удивительным образом сочеталось с их желанием наладить отношения с петербургским двором⁴. Интересно, что это в разной степени разделялось, как Секретом короля, так и министерством.

Франция являлась интересной и для России. Императрица Елизавета Петровна была лично привязана к французской культуре и своему бывшему потенциальному жениху Людовику XV. Несмотря на несостоявшийся брак во время правления императрицы влияние французской культуры усиливается. Другой важнейшей причиной этого интереса были тенденции к распространению французской культуры и идей французских просветителей в XVIII в. по всей Европе. Россию, становившуюся частью политического и культурного пространства Европы, не могли не затронуть эти изменения⁵. Увеличивалось и количество французских образовательных учреждений, искусства, моды, путешествий русских во Францию. Тем самым культурный фактор оказывал большое влияние.

Наиболее последовательным сторонником сближения с Францией в России являлся Михаил Илларионович Воронцов. Он был одним из самых доверенных лиц императрицы: еще в 1728 г. в возрасте 14 лет Воронцов стал камер-юнкером при дворе великой княжны Елизаветы Петровны, активно участвовал в Дворцовом перевороте 1741 г. Через 3 года Михаил Илларионович получил графский титул и занял пост вице-канцлера Российской империи. В этот же год в новой должности он совершил частный визит во Францию. Посещение страны произвело на него сильное впечатление и с тех пор, он стал поклонником Франции и ратовал за укрепление русско-французских отношений. Вследствие этого Воронцов тяжело перенес разрыв отношений, осуществленный А. П. Бестужевым-Рюминым в 1748 г.

Алексей Петрович Бестужев-Рюмин был выдающимся российским дипломатом. Начав службу при Петре I, он, сначала, как многие из детей

⁴ Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М., 1995. С. 86.

⁵ Востриков А. В. Взаимодействие русской и французской культур в XVIII веке // Вестник Самарского государственного университета. 2007. № 1(51). С. 253.

дворян, обучался за границей, где проявил тягу к языкам (хорошо знал латынь, французский, немецкий). В 19 лет в 1712 г. он получил первое дипломатическое задание — работу в представительстве в Гааге и на конгрессе в Утрехте, который завершил Войну за испанское наследство. В 1713 г. Бестужев-Рюмин был приглашен на службу к Георгу I Людвигу, курфюрсту Ганноверу, на что Петр I с радостью согласился, так как считал, что молодой дипломат может многому научиться на зарубежной службе. В 1714 г. ганноверский курфюрст стал королем Великобритании и, в результате, Бестужев-Рюмин оказался посланником Англии в России. Находясь на службе у ганноверского курфюрста, Алексей Петрович стал последовательным сторонником укрепления русско-английских отношений.

Ко времени правления Елизаветы Петровны Бестужев-Рюмин считал необходимым союз с морскими державами, то есть Англией и Республикой Соединенных Провинций. С этими державами было выгодно вести торговлю, и они могли предоставлять субсидии, а также вместе влиять на ситуацию в Балтийском регионе⁶. Другой важной державой была Австрия, так как без поддержки венского двора невозможно было вести борьбу с Портой и укреплять влияние России в Речи Посполитой.

В 1755 г. А. П. Бестужев-Рюмин работал над субсидиарной конвенцией с Англией. Версаль с подозрением отнесся к этим переговорам. 30 сентября сего года конвенция была подписана в Санкт-Петербурге. Данный договор был также снабжен 9 февраля 1756 г. секретной припиской, которая была передана английскому послу Чарльзу Хэнбери Уильямсу. Однако в русско-английских отношениях назревал кризис, предпосылки которого наблюдались еще в 1747 г. при заключении союзной конвенции, когда возникли проблемы на Балтике. В качестве примера можно привести жалобы графа Н. И. Панина, посла в Швеции, который писал о тайном противодействии английского посла русскому влиянию⁷. Таким образом, мы видим раскол Великобритании и России в шведских делах, а старая «Петровская система» опоры на морские державы не могла обеспечить интересов страны. Другим примером явного разногласия Лондона и Петербурга был вопрос о ганноверских владениях Англии. Английские послы постоянно требовали русского вторжения в Пруссию с целью защитить Ганновер от посягательств прусского короля. Однако Елизавета Петровна не хотела рисковать войной с Фридрихом II из-за

⁶ М. Ю. Анисимов. Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693—1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 176.

⁷ Мартенс Ф. Ф. Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами: Том IX (X). Трактаты с Англией. Спб., 1892. С. 178.

ганноверских владений английского короля. Все же наущениями канцлера Бестужева-Рюмина и нового английского посла Елизавету Петровну удалось склонить к подписанию конвенции. Но в итоге она не возымела действия, так как был заключен договор между Великобританией и Пруссией.

Летом 1755 г. во Франции принц Конти был серьезно обеспокоен англо-русскими переговорами, а также упомянутой выше англо-русской конвенцией. Принц крови решил отправить своего посланника в Петербург. Следует сказать, что характер этой миссии был тайным, не только потому, что с 1748 г. страны разорвали отношения, и французы не могли действовать открыто. Но еще и потому, что Конти возглавлял Секрет короля — тайную службу Людовика XV, о существовании которой не знали в официальном министерстве иностранных дел. Исполнителем миссии в Петербург был назначен шевалье Майкл Дуглас — шотландец, сторонник Стюартов, многие из которых, включая самого Джеймса «Старого претендента» нашли убежище во Франции. Политическое убежище и службу у принца Конти нашел и шевалье Александр Питер Маккензи. Глава Секрета короля доверил шевалье Дугласу секретную миссию, так как в силу британского происхождения, ему было легче зондировать почву по вопросу франко-русских отношений.

Поездка Дугласа была запланирована раньше тайных австро-французских контактов, которые происходили при содействии мадам Помпадур⁸. Сам глава Секрета короля, конечно, не собирался заключать союзных отношений с Россией — он был сторонником старой политики опоры Версаля в духе Восточного барьера. Поездку Дугласа не стоит рассматривать даже как дипломатическую, а тем более, как «переворот» в отношении к России. Мы можем сказать, что это была разведывательная миссия с целью выяснения позиций Петербургского двора.

Подтверждением этого служит инструкция, выданная шевалье Дугласу Секретом короля. В ней описывается влияние России в Польше, переговоры о субсидиарной конвенции Англии и России. Все это требовало внимания Версаля, а у Франции не было ни посла, ни консула в Петербурге. Таким образом, Франция оказывалась отрезанной от дел, происходивших в России⁹. Тайному агента Секрета короля необходимо было покинуть Версаль под видом путешественника цель, которого отдых и лечение. Чтобы замаскировать свои истинные планы, Маккензи Дугласу запрещалось видеться с

⁸ Короткова А. В. Французская дипломатия... С. 145.

⁹ Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traites du Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 9. Russie, introduction par Alfred Rambaud. Paris., 1890. P. 6-10.

французскими официальными лицами. С этой же целью от французского агента требовали совершить долгое путешествие.

Шевалье Дуглас должен был посетить Курляндию, выяснить положение герцогства, воинские контингенты, которые Россия содержит там. После своего появления в столице французский агент должен был приобретать знакомства, которые помогут выполнить ему цели миссии. Шевалье Маккензи Дуглас должен был узнать каково состояние финансов, торговли, армии, флота, о мнениях, распространенных в обществе. Очень важным являлось узнать соотношение сил во власти: насколько серьезным влиянием обладал канцлер А. П. Бестужев-Рюмин, каким влиянием обладал вице-канцлер М. И. Воронцов, профранцузские взгляды которого были известны в Версале. Принц крови хотел также осведомиться о жизни князя Иоанна Антоновича, и о том, какое сформировалось восприятие цесаревича Петра Федоровича. Всплывал и вопрос о странах Восточного барьера в разрезе отношений России к Швеции, Польше и Османской империи. Секрет короля предписывал Дугласу на основании выясненного написать докладную записку, но только после того, как покинет Россию¹⁰.

В зависимости от полученной информации, в перспективе, дальнейшими целями было восстановление русско-французских отношений, однако и в этом случае Версаль не предполагал налаживание тесного и равноправного союза с Петербургом. Характер инструкции дает нам понять, что Франция не стремилась к «сердечному согласию», но такие деятели, как аббат Берни чувствовал те изменения, которые произошли вследствие Дипломатической революции 1756 года. Тайная дипломатия Секрета короля, стремилась использовать франко-русские контакты для возрождения своего влияния в Польше и Швеции, и тем самым контакты с Россией должны были использоваться против нее же самой.

Как говорилось раньше, шевалье Маккензи Дуглас был тайным агентом: ни о каком официальном статусе не могло идти речи. По этой причине приходилось искать доступа к М. И. Воронцову. По прибытии в Петербург он отправился к Чарльзу Ханбери Уильямсу, послу Англии без контактов, с которым невозможно было по тем временам быть представленным ко двору. Однако у английского посла шотландский эмигрант вызывал недоверие, поэтому Дугласу пришлось искать помощи французского торговца Мишеля¹¹. Мишель и познакомил вице-канцлера М. И. Воронцова с шевалье Майклом Дугласом. Вице-канцлер сообщил о прибытии французского агента Секрета

¹⁰ Recueil des instructions données... Т. 9... Р. 7.

¹¹ Короткова А. В. Французская дипломатия... С. 147.

короля. В то же время, как было описано выше, шотландский эмигрант не мог открыто явить себя двору, поэтому аудиенции не состоялось. В конце концов, Маккензи Дуглас вернулся в Париж.

Пока Дуглас совершал свое путешествие, политическая ситуация начала меняться. Именно во время этой миссии Австрия и Франция начали тайные переговоры. Вести их от Франции Людовик XV поручил аббату Берни, бывшему до того послом Версаля в Вене, а также выдвиженцем мадам Помпадур, которая таким образом пыталась укрепить свое политическое влияние. Следует сказать, что переговоры, как и в случае с Россией, велись тайно. Таким образом, король Франции создал еще один вектор тайной дипломатии. В своих мемуарах аббат Берни подшучивает над государственным секретарем по иностранным делам Антуаном Луи Руйе. Последний казался обескураженным, напуганным, обойденным, так как де-юре Берни был его подчиненным¹².

Первый Версальский договор 1 мая 1756 г. резко изменили линию поведения Версаля. В такой конфигурации франко-русские связи обретали новое дыхание, получали почву под собой. Наконец, Франция вышла из тени политики Секрета короля, когда принц Конти еще в 1747 г. предложил «систему для поддержания в Европе равновесия, установленного Вестфальским договором в защите свободы германских государств... связать вечными союзами Турцию, Польшу, Швецию, Пруссию при посредничестве, а затем с присоединением Франции, и, наконец, отделить этим путем Австрийский дом от России, отвергнув последнюю в ее бескрайние пустыни за пределы Европы»¹³. Естественно, такой взгляд не мог разделяться Версалем после переворачивания альянсов: теперь создавалась возможность выйти из логики Восточного барьера.

Следует сказать, что Австрию и Россию объединяли союзные отношения, которые происходили из настоятельной потребности двух держав¹⁴. После австро-французского сближения создавались предпосылки для новой возможности миссии Дугласа. Еще в ходе австро-французских переговоров обе стороны договорились, что к будущему союзу могут присоединяться третьи стороны, то есть страны, находящиеся в союзных отношениях с Версалем и Веной. У Франции это Швеция и Испания,

¹² *Bély, Lucien. La révolution diplomatique de 1756 : une négociation au sein de l'État royal // Expériences de la guerre, pratiques de la paix : Hommages à Jean-Pierre Bois. Presses universitaires de Rennes. 2013.*

¹³ *Bély, Lucien. La révolution diplomatique...*

¹⁴ *Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 374.*

Габсбурги же вынашивали планы присоединения к договору России. Весной 1756 г. Мария Терезия сообщила о тайных австро-французских переговорах. 30 марта через австрийского посла в России графа Эстерхази Мария Терезия доводит до Высочайшей конференции при дворе и Елизаветы Петровны информацию о переговорах Вены и Версаля¹⁵.

Версаль также был оповещен о намерениях Вены подключить Россию к Версальскому договору. На это было дано согласие, тем более что французский король был готов к налаживанию контактов с Петербургом и разгневан англо-прусским сближением. Людовик XV желал использовать сложившееся положение и расстроить русско-английские отношения.

В январе 1756 г. французский агент шевалье Маккензи Дуглас совершил второе посещение России. Данная миссия отличалась от предыдущей по характеру. Если первая совершалась под патронажем главы Секрета короля принца Конти, то вторая проходила с инструкциями от официального секретариата иностранных дел и Рулье. Знал о новой миссии и Берни, а значит и мадам Помпадур. Казалось, нельзя больше говорить о тройственном направлении французской внешней политики. Однако при этом Маккензи Дуглас оставался человеком принца Конти. Во всяком случае принц крови таковым его воспринимал. Если в прошлом официальное министерство не знало об инициативах Секрета короля и Берни, то теперь сам Конти был уверен, что цель новой миссии заключалась в наведении контактов с Петербургом, чтобы добиться удовлетворения его притязаний на польский трон. Таким образом, могла бы реализоваться политика Восточного барьера.

Мы можем предположить, что принц Конти не был в курсе австро-французского сближения, и, являясь соперником мадам Помпадур при дворе, принц крови не знал о деятельности аббата Берни. Луи Франсуа де Конти боялся вмешательства мадам д'Этиоль в его секретную дипломатию, фаворитка короля же боялась за новую австрийскую политику, которая происходила при ее содействии.

Глава Секрета короля не знал о готовящемся русско-австрийском союзе. Он не участвовал в его подготовке, однако деятельность тайной дипломатии не была полностью приостановлена. Конти продолжал свою деятельность: его переписка с главой французского внешнеполитического ведомства свидетельствует о приверженности Конти традиционной французской политике. Король же был поборником новой системы. В то же время Людовик XV не спешил отказываться от политики по отношению к Варшаве,

¹⁵ Сборник Русского Императорского Исторического общества. Том 136. Печатано под наблюдением Н. Д. Чечулина. Протоколы конференции при высочайшем дворе. Том I. (14 марта 1756–13 марта 1757) СПб., 1912. С. 11.

Стокгольму и Константинополю, но нужда заставляла короля формировать отношения с Россией. Главная цель короля Франции состояла в том, чтобы использовать Россию против Пруссии и по возможности разорвать русско-английские отношения.

Что же мы можем сказать о странах Восточного барьера, а точнее Швеции, которая в открытую вступила в войну на стороне антипрусской коалиции? Следует помнить, что Франция была занята той политической ситуацией, сложившейся вокруг крупных держав. Не велось крупных переговоров между Версалем и Стокгольмом в 1756 г. В 1749 г. маркиз де Ланмари умирает, и Версаль немедленно назначает нового посла Луи де Кардевака д'Авринкура. Первую инструкцию, полученную послом в 1749 г., можно назвать в большей степени формальной, она не содержала явных политических целей и ограничивалась осторожными рекомендациями поддержки отношений со всеми послами.

Все, однако, изменилось в 1757 г. уже во время разгоревшейся Семилетней войны. Когда д'Авринкур получил новую обширную инструкцию с комментарием сложившейся новой международной ситуации. Из этой инструкции можно прийти к выводу, что Версаль придавал большое политическое и символическое значение Швеции в конфликте. Швеция была страной подписантом Вестфальского мира и гарантировала религиозный мир в Империи. Участие Швеции в коалиции Габсбургов и Бурбонов разрушало бы ту пропаганду, которую применяли Пруссия и Великобритания. Лондон и Берлин настраивали протестантских князей против Вены, заявляя, что объединение двух католических государств Австрии и Франции (а потом и Испании) — это угроза для протестантизма. Швеция, государственной религией которой было лютеранство, явно выбивалась из этой логики.

Король Франции и правительница Австрии гарантировали шведскому королю передачу Померании, которую та потеряла в ходе Северной войны. Таким образом, для Швеции открывалась возможность реванша и получения экономически важных территорий. Поскольку «партия шляп» провозглашала внешнюю политику, нацеленную на возвращение Швеции роли важного игрока на международной арене, было принято решение вступить в войну на стороне Австрии, Франции и России. В шведской историографии данный конфликт называется Померанской войной. 22 сентября 1757 г. Франция выдала субсидии Швеции для участия в войне против Пруссии.

Уже в инструкции послу Франции Луи де Кардеваку маркизу Д'Авринкуру упоминается та политическая конъюнктура, которая сложилась

в Швеции¹⁶. В инструкции говорилось о роли Швеции как защитника сложившегося порядка Вестфальской системы и о том, какое политическое значение она имела в качестве союзника. Будучи протестантским государством Швеция, разрушала ту религиозную карту, которую Англия и Пруссия хотели разыграть против Франции и Австрии, настраивая немецких протестантских князей против Габсбургов. Интересно, что в инструкции послу французская монархия обращается именно к шведской нации и ее парламенту. Чтобы обеспечить шведов в качестве союзников, французская и австрийская стороны заверили правительство Хепкена в том, что возможные сложности ведения боевых действий с Пруссией будут облегчаться ввиду действий объединенных армий Бурбонов и Габсбургов¹⁷. Таким образом, уже на этом этапе видно, что от Швеции не требовали тех усилий, которые ей пришлось приложить в Померании, так как объединенные австрийские и французские сухопутные войска были слишком мощными для армии прусского короля.

В Санкт-Петербурге, тем временем, вместе с послом Великобритании Уильямсом были обсуждены переговоры между Данией и Швецией о морской торговле в Северном море. Под влиянием английского посла заключение, которое представила Конференция при Высочайшем дворе, имело антифранцузский характер. Российская сторона пришла к выводу, что данный договор имеет военный характер и датский и шведский флот смогут соединиться с французским флотом. Послу в Швеции Никите Ивановичу Панину и послу в Дании барону Иоганну Альбрехту фон Корфу было приказано употребить силы, чтобы датско-шведский договор не имел профранцузского характера¹⁸. Несмотря на это усилие в размежевании сил Франции и Швеции, Петербург был настроен сохранять отношения с Портой и Стокгольмом. Об этом свидетельствует 4-е заседание конференции, которая сошлась во мнении, что необходимо «шведов и турок стараться держать в тишине и недействии»¹⁹.

Свидетельством желаний шведских властей играть более активную роль в конфликте может послужить инструкция, данная послу Швеции во Франции Ульрику Схефферу, где с одной стороны говорилось о необходимости продвигать международный авторитет, с другой — об опасности предложений

¹⁶ Recueil des instructions données... Т. 2... Р. 383.

¹⁷ Ibid. Р. 386.

¹⁸ Сборник Русского Императорского Исторического общества. Том 136. Печатано под наблюдением Н. Д. Чечулина. Протоколы конференции при высочайшем дворе. Том I. (14 марта 1756 - 13 марта 1757) СПб., 1912.

¹⁹ Ibid. Р. 37-39.

со стороны великих держав²⁰. Глава Государственного совета фон Хепкен признал, что также весьма вероятно, что Швеция получит проекты, которые можно было бы согласовать, не подвергая себя слишком большому риску. Поэтому посол должен четко заявить, что Швеция готова вести переговоры и воспользоваться политической ситуацией, если условия будут благоприятными. Хепкен также подчеркнул важность участия в будущем мирном урегулировании, чтобы извлечь выгоду из поражения Пруссии. Пересмотр мирного договора 1720 г. между Швецией и Пруссией и приобретение острова в Карибском море, который мог бы служить базой для шведской торговли в регионе, были упомянуты в качестве явных возможностей, если Швеция будет играть более активную роль.

Позиция Версаля заключалась в необходимости заключения более тесного союза между Францией и Австрией, чтобы как можно скорее провести военные операции Швеции в Померании и облегчить военные действия для России. Мы можем здесь заметить значение и России, и Швеции как сил, обеспечивавших военное превосходство, в то время как главную дипломатическую роль в представлении французов должны были играть Франция с Австрией. Здесь мы видим и разный подход дипломатий Петербурга и Версаля о роли Швеции. Если первому был необходим нейтралитет Стокгольма, чтобы влияние Швеции слишком не возросло, и он снова не превратился в агрессивный оплот Восточного барьера, то второму был нужен реванш и усиление традиционного союзника в регионе. Однако обе стороны были намерены использовать Швецию против Пруссии, хотя и усилия обеих стран не были совместными. Важное значение имела ставка на разные политические силы в Швеции. Если Россия ратовала за партии шляп и колпаков, которые стремились на тот момент проводить умеренную политику в отношении Петербурга, а во внутренних делах реализовывали принцип конституционного правления, то Франция считала необходимым поддерживать притязания короля Густава III. Однако в рамках Семилетней войны, Версаль готов был работать с любой политической силой, готовой вести борьбу против Пруссии.

Таким образом, мы можем прийти к определенным выводам. 1756 год действительно перезапустил существующие до того альянсы. Однако, в первую очередь, это коснулось Берлина и Лондона с одной стороны, и Вены с Версалем с другой. Что касается России и Франции, то в первую очередь, главным результатом стало восстановление отношений и обмен послами.

²⁰ *Winton P. Sweden and the Seven Years War, 1757-1762: War, Debt and Politics. War in History, Vol. 19, No. 1 (January 2012). P. 18.*

Определенное значение играл и английский фактор: Франция стремилась расстроить отношения Великобритании и России. Французской дипломатии не удалось полностью разорвать русско-английские отношения: в силу объективных обстоятельств обе державы оставались важными торговыми партнерами. Так или иначе это охлаждало наметившееся русско-французское сближение. Самым важным элементом того, почему Версалью и Петербургу не удалось наладить отношения, стало само восприятие Версаля России как необходимого инструмента для борьбы с прусским королем. Это отличало русско-французские отношения от франко-австрийских. Здесь мы видим, что обе державы перестали считать друг друга главными соперниками. Для Франции таковыми стали англичане, для австрийцев пруссаки. Несмотря на все эти препоны, произошедшее сближение России перед Семилетней войной стало в определенной мере репетицией русско-французского потепления в период правления Людовика XVI.

Важную роль при этом сыграли политика Восточного барьера и Секрет короля, которые являясь вторым вектором французской внешней политики, стремились к проведению поддержки стран-конкурентов России. На примере Швеции, мы могли заметить, что фактор этой страны сдерживал потепление отношений Петербурга и Версаля. Чрезмерное усиление Швеции не могло отвечать интересам Петербурга. Дальнейшее исследование непосредственно русско-французских отношений и влияние стран Восточного барьера позволит расширить понимание международной ситуации накануне и в ходе Семилетней войны.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Anisimov M. Yu. Rossijskij diplomat A. P. Bestuzhev-Ryumin (1693—1766) [Russian diplomat A.P. Bestuzhev-Ryumin], in *Novaya inovejšhaya istoriya*. 2005. № 6. P. 175–192.

Анисимов М. Ю. Российский дипломат А. П. Бестужев-Рюмин (1693—1766) // Новая и новейшая история. 2005. № 6. С. 175–192.

Bély L. La révolution diplomatique de 1756 : une négociation au sein de l'État royal, in *Expériences de la guerre, pratiques de la paix : Hommages à Jean-Pierre Bois*. Presses universitaires de Rennes. 2013.

Cherkasov P. P. *Dvuglavyjorel i korolevskielilii*. [Double-headed eagle and royal lilies]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 438 p.

Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. М.: Наука. 1995. 438 с.

Korotkova A. V. *Francuzskaya diplomatiya nakanune i v nachal'nyj period Semiletnej vojny (1755–1758 gg.)* [French diplomacy on the eve and in the initial period of the Seven Years' War]. Thesis. Moscow, 2003. 275 p.

Короткова А. В. Французская дипломатия накануне и в начальный период Семилетней войны (1755–1762 гг.). Диссертация. М. 2003. 275 с.

Nelipovich S. G. *Soyuz dvuhglavyh orlov: russko-avstrijskij voennyj al'yans vtoroj chetverti XVIII v. [Union of double-headed eagles: Russian-Austrian military alliance in the second quarter of the 18th century]*. Moscow: Kvadriga, 2010. 405 p.

Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов: русско-австрийский военный альянс второй четверти XVIII в. М.: Квадрига. 2010. 405 с.

Vostrikov A. V. *Vzaimodejstvie russkoj i francuzskoj kul'tur v XVIII veke [Interaction of Russian and French cultures in the 18th century]*, in *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2007. №1 (51). P. 250-257.

Востриков А. В. Взаимодействие русской и французской культур в XVIII веке // Вестник Самарского государственного университета. 2007. №1 (51). С. 250-257.

Winton P. Sweden and the Seven Years War, 1757–1762: War, Debt and Politics, in *War in History*, 2012. Vol. 19. No. 1 (January 2012). P. 5-31.